

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Практика откровения помыслов в монастыре: общие принципы. Архимандрит Мефодий, игумен монастыря Хиландар, Святая Гора Афон

Доклад, прочитанный на международной монашеской конференции «Святоотеческое наследие в свете афонских традиций: духовное руководство». Екатеринбург, 27-29 мая 2016 года.

Практика откровения помыслов в древнем монашестве

О необходимости того, чтобы монашествующие открывали свои помыслы настоятелям монастырей или кому-то другому, кому вверена эта обязанность, писал ещё святой Василий Великий в своей книге «Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах». В ответе на 26 вопрос «О том, что надобно всё, даже и тайны сердечные открывать настоятелю», он пишет: «Каждый из подчинённых, если хочет оказать значительный успех и привести жизнь свою в состояние, согласное с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, должен ни одного душевного своего движения не оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, но тайны сердечные обнажать пред теми из братьев, кому поручено прилагать милосердное и сострадательное попечение о немощных. Ибо таким образом похвальное будет утверждено, а неодобрительное не останется без надлежащего врачевания, а при таком взаимном упражнении, через постепенные приращения, достигнуто будет совершенство».[1] Святитель заповедует нам «ни одного душевного своего

движения не оставлять в скрытности», а это лучше всего осуществляется через откровение помыслов. Тот же, кому мы открываем свои помыслы и кто духовно руководит нами, должен рассудить, что из этого «похвальное», то есть хорошее, – и затем утвердить нас в этом. В то время как «неодобрительное», то есть то, что появилось вследствие страстей, не должно остаться без духовного врачевания. Святой Василий объясняет нам, для чего это нужно: таким образом «через постепенные приращения, достигнуто будет совершенство».

Совершенство – это то, ради чего мы оставляем мир и принимаем на себя подвиг монашеской жизни.

В книге Собеседования прп. Иоанна Кассиана, в главах из собеседования аввы Моисея, описан случай из жизни святого Антония Великого. Однажды, когда святой Антоний разговаривал с собравшимися монахами на разные духовные темы, он поставил перед собравшимися вопрос о том, какая из добродетелей – величайшая. Было дано несколько ответов: пост и бдение; нестяжательство и презрение ко всему материальному; отшельничество и удаление от мира; человеколюбие и милость и другие. Но Антоний доказал, что ни одной из этих добродетелей не может быть отдано первенство, так как существуют примеры, когда монахи были этими добродетелями весьма украшены, однако несмотря на это пали. Только рассудительность является величайшей добродетелью, заключает Антоний Великий, только она может спасти нас от падения.[2] Далее прп. Кассиан приводит слова аввы Моисея о том, как приобрести эту добродетель. Авва утверждал, что самая мудрая школа достижения этой добродетели – доверяться рассудительности мудрых старцев. Начало же рассудительности в том, чтобы «открывать отцам не только то, что делаем, но и о чём думаем, ни в чём не доверять своему помыслу» и «считать хорошим или худым только то, что они признают таким».[3]

Далее прп. Кассиан приводит пример из жития аввы Серапиона, который, будучи очень молодым монахом, был побеждаем чревоугодием и тайно брал хлеб и ел. Однажды, когда к его старцу за духовными советами пришли некие монахи, старец обратил их внимание на важность откровения помыслов, сказав: «Ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радуется бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов». Услышав эти слова, молодой монах Серапион повергся пред ним и сразу исповедал свой грех. Тогда произошло нечто, ставшее поучением как для присутствовавших при этом монахов, так и для всех монашествующих вплоть до наших дней: из груди Серапиона вышло некое пламя, наполнившее весь дом смрадом, словно от горячей серы. Старец объяснил: «Признание твоё... освободило тебя от этого плена; открывши свои поступки, ты поразил беса. ...Будучи изведён из твоего сердца и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места».

В конце этого поучения прп. Кассиан приводит также примеры из Святого Писания, как из Ветхого, так и из Нового Завета. Из Ветхого Завета – пример святого пророка Самуила, который ещё в детстве удостоился беседы с Богом, но всё-таки не верил своим помыслам. Будучи дважды призванным Богом, он поспешил к старцу Илίου, чтобы получить от него наставление о том, как ответить Богу. (I Цар. 3, 4-9). Из Нового Завета можно вспомнить пример святого апостола Павла, который, даже после большого опыта проповеди Евангелия, отправился в Иерусалим, чтобы посоветоваться о своём благовествовании и узнать, не подвизается ли он напрасно, как впоследствии писал он Галатам (ср. Гал. 2, 2).

Несмотря на желание сделать введение как можно более кратким, мы не могли хотя бы в кратчайшем виде не упомянуть примеры из Лествицы и Поучений аввы Дорофея, которые говорят о нашей теме. В поучении о послушании, в котором подробно описывается устав одного общежития в Фиваиде, прп. Иоанн Лествичник говорит об обычае монахов носить с собой тетради, чтобы ежедневно записывать свои помыслы и после исповедать их игумену.[4] Авва Дорофей утверждает, что не существует другой причины падения монахов, кроме верования своему сердцу, т.е. следования своему рассуждению. «Бог сохранил меня, и я всегда боялся сего бедствия» – говорит он и сразу же объясняет, каким образом смог избежать этой опасности – «я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда... не решался сделать что-либо без его совета».[5]

Вывод: С самого начала монашества существует ясное понимание того, что новоначальные и те, кто находится на пути к совершенству, но ещё не достигли его, ни в коем случае не могут самостоятельно рассуждать о своих помыслах. И потому необходимо, чтобы они регулярно открывали их тем, кому вверена эта обязанность, по словам пророка: Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе (Втор. 32:7). Ибо Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти (Притч. 16:25)

Духовное руководство через откровение помыслов имеет характер святого таинства

Основополагающее значение имеет осознание того, что исповедание помыслов и духовное руководство, осуществляемое таким образом, имеет характер святого таинства. То есть, это не просто отношения двух человеческих личностей – духовного руководителя и ученика – но здесь присутствует и действует Святой Дух. Чтобы правильно понимать это, обратимся к ранее приведённому примеру из Поучений аввы Дорофея: Когда Преподобный говорит

о своей привычке всегда советоваться о своих помыслах со старцем, то далее он рассказывает, что часто ему, вслед за каким-либо помыслом, приходил на ум и ответ на этот помысел. В таком случае он часто колебался, стоит ли вообще беспокоить старца, так как был уверен, что тот даст ему такой же ответ. Однако преподобный Дорофей отказывался от такого помысла и всё-таки шёл к старцу. И действительно случалось, что старец отвечал ему то же самое, что было на уме у самого аввы Дорофея. Как он далее свидетельствует, помысел тогда говорил ему: «Ну что же? Видишь, это то самое, что я говорил тебе: не напрасно ли беспокоил ты Старца?» Он же отвечал помыслу: «Теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святого; твоё же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного устройства души».[6]

Когда мы открываем свои помыслы нашему духовному руководителю, он объясняет нам, как нужно к ним относиться. Если окажется, что какой-то помысел греховен, наш руководитель укажет нам на его корень – определённую страсть. Так за «видимыми», явными греховными помыслами и грехами мы учимся различать «невидимые», таящиеся в нашей душе страсти. Всё это нужно для того, чтобы мы научились духовной борьбе и очистили сердце, достигли обожения, а через него – спасения. Но, как и в случае с другими Святыми Таинствами[7], спасение достигается не благодаря человеческим усилиям, но Божиим действием. Эти отношения духовника и ученика мы можем описать словами св. Павла, из его Послания к Коринфянам: Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение (1. Кор. 3, 9). Духовные руководители действуют, опираясь не только на свой опыт, который они, безусловно, тоже должны иметь. Они являются Божьими соработниками и своё послушание выполняют, непрестанно ища Его помощи.

Весьма вдохновенное свидетельство об этом оставил архимандрит Софроний в своём труде О духовническом служении[8], например в следующих словах: «Сознавая себя далеко стоящим от должного совершенства, подолгу и с болью в сердце умолял я Господа не попустить мне ошибаться, удержать меня в путях действительной Его воли, внушать мне слова, полезные братьям. И в самый час беседы с человеком я старался держать «слух» ума моего на сердце, чтобы улавливать Божию мысль и часто даже слова, которые нужно сказать». Чтобы доказать, что это единственный способ исправно нести «подвиг духовнического служения», старец Софроний приводит так же пример преподобного Серафима Саровского. Когда Преподобного однажды назвали прозорливым, он ответил, что это не так, но «что он молится во время беседы с человеком, и первая мысль, появившаяся от молитвы в сердце, должна почитаться как данная от Бога».[9]

Один блаженно почивший хиландарский старец говорил нам, что ему случалось верно отвечать на заданные ему духовные вопросы, даже несмотря на то, что до того момента, как ему задали вопрос, он и сам не знал правильного ответа. Когда после он убеждался, что сказанное им было действительно согласно с преданием Православной Церкви, он задавался вопросом: «Откуда я это знаю?» После нескольких таких случаев он понял, что, ради веры тех, кто спрашивал, Бог давал ему ответы, необходимые для спасения спрашивавших.

Я тоже всего лишь человек

«Я тоже всего лишь человек» – эти слова часто встречаются в житиях преподобных отцов. Их произносили старцы-духовники, когда замечали, что монахи, пришедшие, чтобы исповедать помыслы, из-за стыда не могли полностью открыть своё сердце.

В Патерике можно прочесть повесть о монахе, которого мучила плотская страсть и который три года приходил к авве Зиному, чтобы исповедать эту брань, но стыд каждый раз связывал его язык, и он уходил, не открыв авве своих греховных мыслей. Авва, конечно, понимал, что происходит, но не хотел принуждать брата к исповеди, а ожидал, что тот сам откроет свою страсть. Когда брат, наконец, исповедал свою страсть и, сгорая от стыда, пал пред аввой Зиномом, авва, не показывая ни малейшего презрения, утешил его словами: «А почему ты стыдишься? Разве я – не человек тоже? Хочешь, я расскажу тебе о своих страстях?» Так, утешенный и ограждённый молитвами старца, монах освободился от этого искушения.[10]

Ещё известные примеры, когда старцы, желая помочь монахам преодолеть стыд, сами говорили о себе, как о страстных, чтобы побудить к исповеди братьев, терпевших искушение. Таков случай с преподобным Макарием Великим и монахом Феопемптом[11]. Авва Макарий понял, что этот брат поработён страстями, потому что он никому не открывал своих помыслов. Тогда авва искусным способом, жалуюсь брату, что даже после многих лет подвижничества и он сам будто бы всё ещё терпит искушения от разных помыслов, смог побудить монаха открыть свою совесть. После исповеди, получив наставление от аввы Макария, монах Феопемпт в дальнейшем отражал все нападения врага.[12]

Но преподобный Кассиан в упомянутой книге Собеседования приводит противоположный пример. Речь идёт об одном ревностном монахе, который терпел сильные нападения от демона блуда. Он исповедал эти помыслы одному старцу, а тот, будучи неопытным, вместо того, чтобы отечески утешить его, назвал его проклятым и недостойным монашеского чина. Брат впал в отчаяние

и хотел вернуться в мир, но по Божьему промыслу встретил авву Аполлоса, который ободрил его и вернул назад в келью.[13]

Зададим себе вопрос: если монахи древности, несмотря на смирение и простодушие, украшавшие людей того времени, имели нужду в сострадательном подходе со стороны духовников, чтобы победить стыд, то, вероятно, это тем более необходимо сегодняшнему поколению, которое так подвержено тщеславию и высокоумию. Вот почему мы хотели бы особо отметить эту проблему.

Практика откровения помыслов по хиландарскому типикону

Хиландарский типикон появился на границе XII и XIII веков. Его составил святой Савва, первый архиепископ Сербский, взяв за основу типикон цареградского монастыря Евергетиды, который он дополнил в соответствии с нуждами новооснованного сербского монастыря на Святой горе Афон. Так как св. Савва был ктитором монастыря Хиландар, Хиландарский типикон причисляют к так называемым ктиторским типиконам.

Составляя упомянутый типикон, святой Савва не единожды указывает на важность Святого Таинства Исповеди. Из 43 глав Типикона две (7-я «О душевспасительном исповедании» и 17-я «О поучении игуменом братии и о исповедании») полностью посвящены этой теме, ей же посвящена и вторая часть 6-й главы. Большую часть этих поучений св. Савва полностью заимствовал из Евергетидского типикона[14].

В 7-й главе Типикона указывается на необходимость регулярной исповеди братии и на непосредственную связь этого со Святым Причастием. Также говорится и о «великом первом исповедании», т.е. исповедании всей предыдущей жизни тех, кто готовится к монашескому постригу. Кроме того, в упомянутых главах находятся детальные руководства по нашей сегодняшней теме – откровению помыслов. Эти руководства можно отличать по характеру, практическому или сущностному.

Практические руководства определяют, кому братия может открывать помыслы и в какое время это будет происходить. Святой Савва указывает, что монахи открывают свои помыслы игумену, а если он не в состоянии выполнять эту обязанность, необходимо, как говорится в типиконе, «избрать живущего целомудренно», чтобы он был духовным руководителем игумена и всего братства.[15] Если же среди братии для этой цели не найдётся никого, имеющего священнический сан, то заповедано, чтобы это был обычный монах, благочестивая жизнь которого свидетельствует, что он может исполнять эту

обязанность.[16] Далее братия призывается поспешить к игумену или другому «единому (т.е. общему) отцу», как его называет Типикон, чтобы открыть вредные помыслы и все движения своих душ. Весьма строго запрещается, чтобы кто-либо избирал себе другого духовного отца, которому будет «излагать помыслы».[17] Если же кто-либо нарушит эту заповедь – повелевает Типикон – то его необходимо «сразу выгнать вон...без милости и помилования».[18] Такая строгость объясняется необходимостью того, чтобы все были «одно целое, едино мудрствующие, едино помышляющие, пасомые и ведомые одним и тем же пастырем, и, как некая золотая цепь, связанные друг с другом».[19] Далее говорится о том, что если братство умножилось и игумен не имеет возможности принимать помыслы у всех, он может избрать кого-либо из духовно зрелых иеромонахов или монахов, которые будут помогать ему в этом деле. Их задача – поддерживать младших братьев в борьбе с помыслами, указывать игумену на «имеющих нужду в лечении и попечении» и направлять их к нему для «лечения и исцеления».[20] Этим указанием св. Савва, взяв за образец Евергетидский типикон, даёт решение на случай более многочисленного братства, но остаётся в согласии с предыдущей заповедью: чтобы все были ведомы одним пастырем, потому что, хотя в обители есть несколько монахов, которым братия открывают помыслы, но эти монахи всегда действуют, посоветовавшись с игуменом, и представляют собой только его помощников, берущих на себя решение более простых проблем, чтобы игумен мог позаботиться о более сложных.

Здесь я хочу указать, что сегодня в монастыре Хиландар мы поступаем в соответствии с вышеизложенным. Один старший иеромонах исповедует старших братьев, чтобы игумен мог заботиться о более молодых монахах и послушниках, а когда в этом возникает нужда, старшие монахи также приходят на исповедь к игумену. Если же кто-то из более молодых братьев хочет что-либо исповедовать, а игумен не имеет возможности принять их в это время или же находится вне монастыря, эти братья идут к иеромонаху, который исповедует старших братьев. Позднее, когда их примет сам игумен, они исповедуют то же самое и ему, если речь идёт о чём-то важном.

Что касается времени, Типикон заповедует, чтобы исповедание помыслов происходило в начале утрени для тех, кто постоянно находится в монастыре, а монахи, которые для выполнения послушания находятся вне монастыря, принимаются игуменом после вечерни.[21] Игумену или тем, кому он поручил принимать помыслы, уставом повелевается, чтобы «исповедание было ежедневным».[22]

Сегодня в хиландарском монастыре откровение помыслов игумену происходит после чтения шестопсалмия и пения тропаря на «Бог Господь» (то есть, как заповедует Типикон: в начале утрени) или на вечерне, после чтения

предначинательного псалма. Игумен идёт в часовню возле Соборного храма и зовёт всех, для кого в тот день настала очередь исповедоваться. Это исповедание на утрени обычно продолжается до начала Святой Литургии, которая служит сразу после утрени и 1-го, 3-го и 6-го часа. На вечерне исповедь продолжается до конца этой службы, после которой следует общая трапеза. В отличие от средневекового устройства монастырской жизни, когда немалое число монахов весь день выполняло разные послушания вне обители, сегодня редко возникают обстоятельства, когда кто-то по нескольку дней не присутствует на богослужениях. Поэтому время после вечерни оставлено для самых молодых монахов и послушников, чтобы они при необходимости приходили в кабинет к игумену и открывали свои помыслы. Кроме того, игумен имеет возможность проверять, регулярно ли и каким образом они выполняют своё келейное правило. Таким образом, самые молодые в братстве могут более регулярно получать советы по борьбе с помыслами и личному молитвенному правилу.

До сих пор были перечислены указания Хиландарского типикона касательно практических вопросов нашей темы. Существуют так же заповеди и указания, которые говорят о ней с духовной точки зрения и которые мы в начале этой главы назвали сущностными, то есть основополагающими.

Сущностные указания открывают для нас смысл регулярного и правильного исповедания помыслов, то, какую духовную пользу получаем мы от этого и какова, по сути, конечная цель этого дела. В конце шестой главы[23] Хиландарского типикона об этом написано так: «...чтобы и это принесло плод, чтобы почерпнуть двойную пользу: прийти в чистое душевное здравие и облечься в смирение, которое возводит ко спасению. Имея его, будем подобны Богу, Который говорит: Научитесь от Мене, ибо кроток есмь и смирен сердцем (Мф.11:29). Что еще может быть более ясным доказательством кроткого и смиренного сердца, как не то, чтобы мужественно переносить любое бедствие и укорять себя во всём. Истинное исповедание есть причина стольких благ; без него, думаю, никто не достигнет спасения». Значит, исповедуясь регулярно и правильно, мы возрастаем в смирении, обретаем «здоровье души» (или, как его часто называют в аскетических текстах, «чистое сердце») и, наконец, достигаем спасения, которое есть цель и смысл всякого духовного делания.

Чтобы побудить монахов к регулярному исповеданию помыслов, в Хиландарском Типиконе после заповедей игумену или тому, кого он избрал радеть об этом деле, говорится: «и вы, братия, видя игумена, стремящегося к этому доброму и спасительному пристанищу, спешно присоединитесь и чисто и неприкрыто откройте каждое движение вашего ума и душевную сердечную мысль, исповедуясь как перед Богом, а не перед человеком».[24] Чтобы было

понятно, почему это важно, дальше[25] приводятся слова преподобного Иоанна Лествичника из Слова четвёртого его Лествицы: «Раны, которые будут показаны, не только не ухудшаются, но легче исцеляются» и «Душу, которая постоянно думает об исповеди, исповедь, как уздой, удерживает от греха».

По вопросу о правильном исповедании помыслов в Хиландарском типиконе особенно подчёркивается, что в случае размолвки с ближним не следует обвинять другую сторону, показывая себя «чуждыми вины», но «всю вину и причины греха, каков бы он ни был, поспешите приписать себе».[26]

Как мы сказали в начале этой главы, посвященной Хиландарскому типикону, в нём говорится и об исповеди как Таинстве, и о нашей теме – откровении помыслов. Нужно подчеркнуть, что приведённые цитаты Типикона говорят о том и о другом в одних и тех же главах, так что мы не могли полностью разделить их. В сущности как исповедание грехов, так и откровение помыслов духовнику и разговор с ним о том, как относиться к помыслам и как понимать их подлинную подоплёку, – всё это помогает нашему спасению. Одно предложение из Типикона как будто указывает нам на то, какую пользу мы имеем от каждого из этих двух дел. Оно гласит: «Поступая так, братия, мы не только освободимся от своих грехов, но и в дальнейшем будем твёрдыми».[27] «Освободимся от своих грехов» – так говорится об исповеди. А станем «твёрдыми» – что нужно понимать как «более опытными в духовной борьбе» – здесь речь идёт, скорее, об откровении помыслов, когда духовник помогает нам понять, являются ли эти помыслы следствием добродетели или страсти, и если речь идёт о страсти, то о какой страсти точно и как в будущем против неё бороться.

Современная практика святогорских монастырей

В монашеской общине Святой Горы всегда существовало глубокое понимание необходимости духовного руководства через откровение помыслов. Оно живо и сегодня. В Похвальном слове святогорскому монашеству инока Парфения[28], написанном в XIX веке, дано живое описание того, как монахи проводят это в жизнь: «Ибо во афонских общежительных монастырях братия имеют обычай ежедневно исповедовать свои помыслы и все лукавого прилоги своему пастырю и предводителю, отцу игумену. И имеют к нему такую веру, что все свои помыслы и все прилоги отдают на его рассмотрение и рассуждение: как он скажет, так и делают, и принимают от него советы, яко от самого Бога, и бывают спокойны. Потому диавол и все его коварства и козни бывают бездейственны, и никакой силы не имеют на совершенных послушников. А хотя и приидет к ним какой помысел, то они, яко коня возьмут за узду, и поведут к своему пастырю, говоря: “что ты мне стужаешь? ты знаешь, что я не имею своей

воли и своего рассуждения, и не знаю – откуда ты: от Бога ли, или от врага дьявола; а пойдём к моему пастырю: как он рассудит?” И бывают спокойны».

В предыдущей части мы описали, как проходит исповедание помыслов в монастыре Хиландар сегодня. Подобный порядок существует и в других монастырях Афона. Отличия касаются только того, принимают ли игумены братию в часовне, своём кабинете или каком-либо другом определённом месте; за время богослужения или вне его и с какой периодичностью. Нужно упомянуть, что в греческих монастырях существует практика, когда игумены, через определённые промежутки времени, обычно когда служат Святую Литургию, возле царских врат читают разрешительную молитву над всей братией, которая в это время стоит, преклонив колена. Поэтому там не в обычае, чтобы после исповедания помыслов над каждым монахом читались молитвы, кроме случаев, когда был исповедан какой-либо особенно серьёзный грех. В нашем монастыре не существует этого обычая чтения общей разрешительной молитвы, так что она, по необходимости, читается для каждого отдельно.

Откровение помыслов в женских монастырях

Несмотря на недостаток необходимых знаний по этой теме, мы не хотели бы совсем оставлять её в стороне. Мы считаем, что, как в мужских монастырях помыслы исповедаются игумену или другому духовнику, который определён управителями монастыря, в женских монастырях монахиням нужно было бы открывать помыслы игуменье или какой-нибудь старице, которой игуменья вверила это послушание. Незаменяемость роли игуменьи-настоятельницы в этом вопросе подчёркивает также святой Василий Великий в своих Кратких правилах. На вопрос, может ли настоятель без настоятельницы разговаривать с кем-либо из сестёр о том, что служит созиданию веры, ответ отрицательный, потому что в том случае была бы нарушена апостольская заповедь: Только все должно быть благопристойно и чинно (1. Кор. 14, 40).[29] Для напоминания мы заметим, что святой Василий в том же месте даже советует, чтобы игуменья присутствовала при исповеди сестры пресвитеру[30] и что она имеет полное право негодовать, если пресвитер что-то прикажет сёстрам без её ведома.[31] Существует также практика, которую мы видели в одном женском монастыре: возможно, она встречается не часто, но о ней в любом случае нужно упомянуть: сёстры имеют тетради, в которые ежедневно записывают помыслы, потом они передают эти тетради игуменье. Она читает их в своей келье и при необходимости зовёт сестру, если считает нужным прокомментировать то, что эта сестра написала.

* * *

Из записей архимандрита Софрония мы видели, что духовники молятся, чтобы Господь вдохновил их на поучения при принятии исповеди. Но в заключение необходимо подчеркнуть величайшую важность того, чтобы мы сами, отправляясь на исповедь, тоже молились, чтобы нам, через наших духовных руководителей, была объявлена воля Божия. Чтобы мы имели непоколебимую веру! Тем, кто думает, что в наше время, поскольку «нет вдохновлённых Богом старцев и стариц, как когда-то», это невозможно, мы ответим словами аввы Дорофея: «Правда, если кто хочет истинно, всем сердцем, исполнить волю Божию, то Бог никогда его не оставит, но всячески наставит по воле Своей. Поистине, если кто направит сердце своё по воле Божией, то Бог просветит и малое дитя сказать ему волю Свою».[32]

Поэтому, помолимся вместе Господу Иисусу Христу, чтобы нас, Своих детей, Он никогда не лишал духовных пастырей и учителей, ибо, по словам св. Павла, Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Ефес. 4, 11-13).

Источник: [Монастырский вестник](#)

[1] Св. Василий Великий, Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, вопрос 26.

[2] Прп. Иоанн Кассиан, Собеседования, Собеседование второе, О рассудительности.

[3] Там же.

[4] Прп. Иоанн Лествичник, Лествица, Поучение IV.

[5] Поучения аввы Дорофея, поучение 5.

[6] Там же.

[7] «Нет сомнений, в Церкви всё святая тайна... вообще вся жизнь и благодатное делание Церкви» — прп. Иустин (Попович), Догматика Православной Церкви III, Святые Таинства.

[8] Архим. Софроний, О молитве, О духовническом служении (Из записок Афонского Духовника)

[9] Там же.

[10] Великий Патерик. Тематический сборник; Глава десятая, О рассудительности.

[11] По-русски не Теопемпт, а Феопемпт.

[12] Патерик, О авве Макарии Египетском.

[13] Преп. Иоанн Кассиан, Собеседования, Собеседования второе, О рассудительности.

[14] То, что относится к теме исповеди в 6-ой главе Хиландарского типикона, находится в 7-ой главе Евергетидского типикона. 17-я глава Хиландарского типикона – перевод 15-ой Евергетидского.

[15] Хиландарский типикон, глава 6.

[16] Там же.

[17] Хиландарский типикон, глава 17.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Хиландарский типикон, глава 6.

[21] Там же.

[22] Хиландарский типикон, глава 7.

[23] В Евергетидском типиконе это глава 7.

[24] Хиландарский типикон, глава 6.

[25] Хиландарский типикон, глава 7.

[26] Хиландарский типикон, глава 6.

[27] Хиландарский типикон, глава 7.

[28] Иером. Антоний Святогорец, Афонские подвижники девятнадцатого века, Монастырь Хиландар 1993 (сербск.: Јером. Антоније Светогорац, Атонски подвижници деветнаестог века, Манастир Хиландар 1993)

[29] Св. Василий Великий, Правила кратко изложенные в вопросах и ответах, Вопрос 108.

[30] Там же, Вопрос 110.

[31] Там же, Вопрос 111.

[32] Поучения аввы Дорофея, поучение 5.

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27